

Местным жителям незачем было бояться нового уездного судьи, не имевшего здесь никакой опоры.

Господин Ду правил уездом целых десять лет и пустил тут глубокие корни. К тому же вел он дела совсем иначе, нежели нынешний уездный судья Ма.

В те годы на северной границе еще не полыхала большая война, хотя мелкие стычки случались постоянно. Да и нрав у северян крутой: закон им не указ, а до императора далеко. Чтобы удержать власть, судье волей-неволей приходилось ладить со знатными родами и деревнями, где заправляет один сплоченный клан. Пойди они против тебя — и что ты сделаешь с этой толпой?

Порой главе уезда даже приходилось идти на уступки.

Сила общины и клана была велика: даже самые простые крестьяне, сплотившись, представляли собой грозную силу.

Напрямую бунтовать против государя они бы не решились, но вот показать зубы заезжему чиновнику — это запросто.

Вспомнить хотя бы, как сам господин Ду начинал службу: он лично обошел всех старейшин и старост трех деревень. Да и в уездной управе две трети служек управы набрали из деревенских парней. Они не просто следили за порядком, но и служили живым связующим звеном между властью и народом.

Случись где беда или раздор — туда отправляли служку управы, выросшего в тех местах. Свой среди своих, он сразу понимал, в чем дело, и улаживал конфликт миром.

Таков уж был здешний уклад в этой глуши. Господин Ду годами выстраивал добрые отношения со старостами трех деревень, прежде чем в уезде воцарился порядок. А когда пришла война, эти связи окрепли и превратились в боевое братство. Не будь этого доверия, разве поднялся бы народ помогать отстраивать город на новом месте после пожарища? А ведь завистники наверху только и ждали, что Ду провалит дело и свернет себе шею.

А этот новоприбывший, не успев порог переступить и не имея за душой никакой опоры, захотел получить всё и сразу. Не бывать этому.

Жаль только, что его три собеседника забот регистратора Сюя не поняли, да и понимать не желали. Их беседа закончилась полным разладом.

И все же осенний сбор налогов никто не отменял. Обойтись без регистратора новые чинуши не могли, но и сам Сюй не мог бесконечно затягивать дело, ставя палки в колеса.

В конце концов ему оставалось лишь одно: изо всех сил сдерживать аппетиты судьи Ма, чтобы тот не задирал налоговую планку до небес.

Налоги в Поднебесной испокон веков делились на подати и сборы. В древности правители взимали с подданных лишь долю урожая да требовали отработки. Позже повинности разделились: служба в ополчении и поставка припасов для армии стали именоваться «воинским сбором» — *фу*, а поборы с пашни и ремесел — *шуй*. С развитием частного хозяйства и введением подушного надела эти понятия слились в единое целое. Ко времени династий Тан и Сун поземельный налог превратился в классическую хлебную подать, а при нынешней династии Цин, после указа о слиянии подушного налога с поземельным, все сборы окончательно объединили в один платеж.

В первые годы воцарения Великой Цин земли павших удельных князей прежней династии передали тем, кто их обрабатывал, назвав эти наделы «переименованной пашней». При отце нынешнего императора провели важную реформу: подушный налог объединили с поземельным. Это заметно ослабило удавку на шее крестьян, лишив их смысла скрывать истинное число душ в семьях. Казна уезда росла и полнилась — без этих денег государство просто не выдержало бы трехлетнюю кровопролитную войну.

Ныне закон предписывал отдавать казне десятую долю с каждого му собранного зерна. Вроде бы немного, но, как говорится, с миру по нитке — голому рубаха. Из ста цзиней зерна крестьянин отдавал десять. Вот только на деле отдавать приходилось все двадцать пять цзиней, ведь помимо основного налога существовала еще и так называемая «усушка».

Дин Тянь недоуменно нахмурился:

— Что еще за «усушка»?

— Видишь ли, только что обмолоченное зерно еще сырое, — терпеливо принялся объяснять регистратор Сюй. — Пока довезут до казенных амбаров, оно подсохнет и потеряет в весе. Чтобы казна не несла убытков, когда весы покажут меньше, изначально накидывали сверху пять цзиней избытка. Но со временем аппетиты выросли, и эти пять превратились в пятнадцать, а потом и вовсе в двадцать пять. Лишнее зерно списывали как «потери при транспортировке», а уж куда девались излишки... — Сюй многозначительно замолчал, не желая продолжать опасную тему, и резко перевел разговор: — В общем, я предупредил тебя. Вернешься в деревню — передай своему двоюродному деду, старосте трех деревень Дину, что я сделал все, что было в моих силах.

— Понимаю. Огромное вам спасибо, господин регистратор, — Дин Тянь почтительно поклонился, сложив ладони. — В деревне семьи Дин каждый знает, какой вы благородный человек.

Юноша говорил это с такой искренней, детской непосредственностью, что регистратору Сюю сделалось не по себе. Уж он-то знал цену своему «благородству».

Сюй натянуто улыбнулся:

— Хорошо. При первой же возможности съезди домой. И помни: помимо зерна с каждого двора потребуют еще как минимум по одному лянну серебра наличными.

Регистратор пришел лишь затем, чтобы предупредить юношу: нынешний уездный судья — птица совсем другого полета, ужиться с ним будет непросто, и во время сбора податей точно грянет буря.

Пусть крестьяне будут готовы, иначе новый уездный судья застанет их врасплох.

Конечно, Сюй преследовал и собственную выгоду, пытаясь прослыть радетелем за народ. Пойти наперекор воле судьи он не смел, а потому пытался стелить соломку снизу, подготавливая почву.

От такой службы у него уже давно опускались руки — порой казалось, что лучше бы он вообще не занимал эту должность.

Когда уездом правил господин Ду, и помощник уездного судьи, и регистратор были из местных. Любые указы исполнялись беспрекословно, а во время вражеской осады оба чиновника стояли насмерть, защищая родные стены.

А этот новый... Много ли он о себе мнит?

Да если говорить прямо — с какой стати люди должны перед ним стелиться? Только потому, что он уездный судья? Смех, да и только. В соседнем уезде за время войны эти судьи менялись быстрее, чем срезают лук-порей на грядках. Нынешний хозяин управы слишком уж много о себе возомнил.

Регистратор Сюй покачал головой и неспешно побрел к себе во двор.

Оставшись один, Дин Тянь глубоко задумался. Осенний сбор налогов — лакомый кусок. Весь вопрос в том, насколько жаден этот Ма. Если аппетит у него отменный, он без зазрения совести положит себе в карман добрую половину.

Но ведь уезд Бычьего Рога и без того нищ, а тут еще война прокатилась по нему огненным колесом. Сейчас здесь едва наберется десяток тысяч дворов. С каждого по лянну серебра — вот тебе десять тысяч лянов. Часть денег неизбежно придется отправить в вышестоящую управу. Забрать себе половину? Слишком жирно, сразу поймают за руку. Взять меньше? Так ведь жадность не позволит.

Кто бы мог подумать, что новый судья окажется не просто мздоимцем, а ненасытной пиявкой с поистине бездонной глоткой.

<http://bllate.org/book/19387/1997458>